

К ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОСТОВСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА (1917—1935/1936 гг.)

А. Е. Виденеева

Храм Успения Богородицы, бывший кафедральным собором Ростово-Ярославской епархии — главное и древнейшее культовое сооружение Ростова.

Данная работа посвящена его послереволюционной истории — хронологически непродолжительному, но важному этапу, завершившемуся закрытием храма.

Этот период мало исследован. В популярных краеведческих изданиях — антирелигиозных брошюрах, опубликованных в Ростове 60 лет назад и некоторых ростовских путеводителях нашли отражение события, в начале 20-х годов имевшие место в Успенском соборе — вскрытие мощей ростовских святых и изъятие церковных ценностей¹. Этим же событиям посвящен ряд газетных публикаций и устных выступлений². Упоминание о дате закрытия собора содержится в единственной работе — путеводителе М. Н. Тюниной, при этом прекращение богослужения в храме неправильно датируется 1930-м годом, что будет доказано ниже³. В научных изданиях, посвященных Успенскому собору, советский период его истории никоим образом не затронут. В результате этого старательного умолчания сегодня мы практически ничего не знаем о том, что происходило в соборе и с собором всего шесть—семь десятилетий назад.

Настоящая работа основана на документальных источниках, хранящихся в архиве Ростовского музея и в Ростовском филиале архива Ярославской области. Документы по советскому периоду истории собора не выделены в самостоятельный фонд, а рассредоточены по различным фондам хранения. При этом обнаруживается следующая закономерность. Поскольку с 1918 г. по 1924 г. право распоряжаться собором принадлежало местным органам власти, относящаяся к храму документация осела в фондах Ростовского уездного исполкома, Ростовского горисполкома и Ростовского райисполкома⁴. По большей части, это документы просительного и распорядительного характера; в первом случае исходящие от общины собора, во втором — от органов власти. С 1924 г. право распоряжаться памятником перешло к Ростовскому

музею, поэтому документальный материал, касающийся истории собора второй пол. 20-х — первой пол. 30-х годов, сохранился в архиве музея. В основном, это переписка между соборной общиной и музеем. Кроме того, документы, относящиеся к послереволюционной истории собора, содержатся в фондах тех учреждений или организаций, которые так или иначе были связаны с вопросами религиозного культа и, в частности, с функционированием ростовских храмов; например — Ростовское отделение Союза Воинствующих Безбожников, Ростовский уездный ликвидационный отдел церковно-монастырского имущества, Комиссия по изъятию церковных ценностей⁵.

Следует отметить, что немногочисленность сохранившихся источников является препятствием детальному исследованию указанного периода. Однако имеющийся в нашем распоряжении к настоящему времени документальный материал позволяет составить определенное представление об условиях существования Успенского собора в советское время.

Судьбу собора в послереволюционный период во многом определили два постановления высшего органа советской власти: «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и «О спецсредствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей». Рассмотрим, как это происходило.

Декрет СНК «О свободе совести...», вступивший в силу 20 января (2 февр.) 1918 г., лишил все церковные и религиозные общества прав собственности, а их имущество объявил народным достоянием, тем самым право распоряжаться им было присвоено органами власти⁶. На основании этого ростовский Успенский собор оказался в ведении Ростовского Совета Депутатов (Совдепа), являвшегося органом советской власти в Ростовском уезде. 25 августа 1919 г. Ростовский Совдеп осуществил передачу Успенского собора общине верующих в «бессрочное бесплатное пользование»⁷. 19 апреля 1923 г. СНК издал декрет «О спецсредствах...», согласно которому все «памятники старины и культуры» переходили в ведение музейного отдела Главнауки Наркомпроса⁸. На основе этого постановления Ростовский уездный исполнком в 1924 г. передал Успенский собор Ростовскому музею. Акт передачи был заверен 17 апреля⁹. С этого дня право распоряжаться памятником получил музей. В том же 1924 г., 14 августа, музей заключил с общиной верующих новый договор¹⁰. Итак, право распоряжаться Успенским со-

бором с 1919 г. имели местные органы власти, с 1924 г. — Ростовский музей. Соборные причт и община получали право использования храма путем заключения соответствующих соглашений.

Уяснив это, перейдем к рассмотрению условий существования собора при советской власти, попытаемся определить положение его общины и причта, средства содержания храма и состояние памятника.

Успенский собор, в отличие от приходских церквей, не имел собственного прихода — его община была общегородской. В ее состав «добровольно и самостоятельно» имел право вступить любой православный, вне зависимости от членства в общине какой-либо приходской церкви. В обязательном порядке от всех приходских храмов города в соборную общину избиралось по два делегата, таким образом, в ней обеспечивалось представительство каждого прихода. Согласно Уставу, община избирала церковный совет (не менее 12 чел.) и ревизионную комиссию. Соборный причт участвовал в выборах совета общины на общих основаниях. Обязательных членских взносов Устав не предусматривал, добровольные пожертвования от прихожан принимались в любой форме. Ежегодно списки членов общины представлялись в Отдел Управления Ярославского Губисполкома¹¹. При начавшемся в советское время массовом закрытии храмов общины упраздненных церквей соединялись с общинами еще действующих. Так, в 1929 г. в состав соборной общины вошла община Авраамиевского Богоявленского монастыря¹².

Штат священно-церковнослужителей собора год от года постепенно, но неуклонно уменьшался. В 1918 г. он состоял из настоятеля, трех священников, двух диаконов, трех псаломщиков. Им ежемесячно выплачивалось 1140 руб. (настоятель получал 210 руб., священники — по 150, диаконы — по 100, псаломщики — по 80)¹³. 1 января 1927 г. на собрании общины собора был поставлен вопрос о сокращении числа священнослужителей в целях экономии средств, расходуемых на их содержание. 20 октября соборная община утвердила новый штат из шести человек, включавший в себя настоятеля, двух священников, протодиакона, диакона и псаломщика в сане диакона¹⁴. Правда, в 1929 г. соборный штат был расширен за счет присоединения причта Авраамиевского монастыря, но уже в 1931 г. в штате священнослужителей собора числились лишь один священник и один диакон¹⁵. Та-

ким образом, в начале 30-х годов Успенский собор по составу причта оказался приравнен к статусу приходской церкви.

В советское время настоятелями собора являлись:

протоиерей Александр Васильевич Троицкий (1917—1918)¹⁶;

протоиерей П. Красотин (1921—1922)¹⁷;

протоиерей Александр Матвеевич Чуфаровский (1923—1926, 1928)¹⁸;

архимандрит Неофит (1926—1927)¹⁹;

епископ Ростовский Евгений (1928)²⁰;

архимандрит Павел Георгиевич Озеров (1930)²¹;

священник Иван Григорьевич Бобриков (1931)²²;

священник Алексей Алексеевич Страхов (1935)²³.

Как видим, до начала 30-х годов собор возглавлялся священнослужителями, имевшими высокий сан — протоиереями, архимандритами, епископом; с 30-х годов храмом управляли обыкновенные священники, что также низводило статус собора до уровня приходского храма.

В 20-е годы в составе соборной общины в качестве почетных членов и проповедников состояли местные иерархи: живущий в Угличе епископ Серафим и настоятель Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря епископ Иосиф, не позднее 1926 г.озванный в сан архиепископа, а в 1927 г. ставший митрополитом²⁴.

С течением времени уменьшалось число соборных причетников. Если в 1917—1918 гг. в штате числились пятеро звонарей и четыре сторожа, то к 1919 г. вместо девяти человек было оставлено четверо²⁵, а в 1927 г. в штате состояло только два звонаря и один ночной сторож²⁶. В середине 20-х годов при соборе служили две монахини, видимо, из упраздненного Рождественского монастыря. В 1927 г. одна из них была оставлена на двух должностях — просфорницы и уборщицы, вторая — сокращена²⁷.

Собор имел собственный хор. В 1917—1918 годах на его содержание ежемесячно выплачивалось 700 руб., из которых 100 руб. предназначались регенту²⁸. В 1926 г., в целях экономии, церковный совет собора отказался от услуг регента и поручил управление хором соборному священнику Евграфу Кременицкому, при совмещении им регентских обязанностей со священнослужительскими²⁹. В январе 1927 г. расходы на хор были сокращены до 130 руб. в месяц³⁰, а в сентябре того же года — до 80 руб.³¹. В 1928 г. на хор ежемесячно отпускалось лишь 65 руб.³².

По данным 1919 г., богослужения в Успенском соборе происходили ежедневно³³. Один раз в году, в Вербное воскресенье, соборный причт служил в церкви Входа Господня в Иерусалим³⁴. Размах и торжественность соборных богослужений постепенно угасали. Этому способствовало уменьшение числа священно- и церковнослужителей, а также ряд внешних, не зависящих от собора, обстоятельств. Например, в 1930 г., постановлением от 28 февраля, Ростовский горсовет запретил в городе колокольные звоны³⁵. В 1927 г. митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел упразднил крестные ходы из Успенского собора с копией иконы Владимирской Богоматери, а крестные ходы с чудотворной иконой предписал совершать в строго установленное время. Следует отметить, что для разрешения крестного хода каждый раз требовалось «возбуждать ходатайство» перед местными органами власти³⁶. Тем самым любой случай распространения богослужения за стены собора, будь то крестный ход во время пасхальной службы или вынос храмовой святыни, осложнялся формальностями, брался под контроль, а зачастую, просто пресекался. В 1929 г., с назначением в Успенский собор Ростовского епископа Евгения, богослужения в храме стали совершаться по архиерейскому чину. По свидетельству современника, «собор был полон молящимися»³⁷. Однако продолжалось это недолго, поскольку, как уже упоминалось, в 1931 г. в соборе из числа священно-церковнослужителей остались лишь священник и диакон, которые, естественно, не в силах были придать соборным службам былую торжественность.

Содержание Успенского собора требовало немалых средств — ежемесячно выплачивалось жалованье причту, кроме того, значительные суммы расходовались на отопление, освещение и ремонт храма. До революции средства содержания собора складывались из нескольких статей: во-первых — проценты с капитала (на своем счету собор имел около 113 100 руб.³⁸); во-вторых, — поступления от оброчных статей (сдача в аренду соборных лавок ежегодно приносila 2500 руб.)³⁹; в-третьих, — церковный доход, получаемый путем кружечного и кошелькового сборов, а также от продажи свеч и просфор; наконец, пожертвования. Кроме того, собору принадлежали три дома, в которых жил причт⁴⁰.

После революции собор лишился основных источников дохода. Его капитал сразу же был национализирован⁴¹. В конце 1917 г. соборные дома изъяты «для проживания совет-

ских служащих и размещения советских учреждений»⁴². В 1918 г. последовало изъятие соборных лавок⁴³. Следовательно, средства собора в послереволюционное время ограничивались церковным доходом и добровольными пожертвованиями. Денег катастрофически не хватало, поэтому, начиная с 1919 г., Успенский собор существовал в режиме строжайшей экономии. Например, уже в 1919 г. объем дров, закупаемых для отопления храма, сократился более чем в 2,5 раза. Предусматривалось, что собор будет отапливаться лишь в самые холодные месяцы⁴⁴. Не удивительно, что в этих условиях изыскивались любые дополнительные средства извлечения дохода. Так, в январе 1927 г. на собрании общины обсуждались «предполагаемые доходные меры», в числе которых предлагалось приглашение в собор популярных проповедников, известных церковных певцов и диаконов⁴⁵.

Вынужденная экономия имела определенные негативные последствия. К примеру, были сокращены почти все сторожа и, в результате, ослаблена охрана собора. В 1925 г., в ночь на 27 марта, храм подвергся ограблению. Была украдена церковная утварь главного алтаря и придела, две митры были похищены непосредственно из рак ростовских святителей⁴⁶. Неудовлетворительная охрана собора являлась одной из причин неоднократных предупреждений Ростовского музея о возможности расторжения им договора с соборной общиной⁴⁷.

Одной из основных статей расхода являлось финансирование ремонтно-реставрационных работ. Поддержание памятника в приличном состоянии могло быть обеспечено лишь регулярными капиталовложениями. Все виды ремонта надлежало производить с письменного разрешения музея. Соборная община, по словам одного из настоятелей, не отказывалась «в пределах своих средств и возможностей нести все те жертвы по ремонту храма, которые будут нужны»⁴⁸. Однако, по ряду причин, в основном из-за отсутствия средств и материалов, ремонт и реставрация, большей частью, откладывались или неоправданно затягивались. Так, ремонт белокаменного цоколя собора во второй половине 20-х годов оказался растянут на несколько лет⁴⁹. В актах осмотров состояния собора зафиксированы самые разнообразные разрушения.

1923 г.: «Южное крыльцо ростовского Успенского собора начало рассыпаться и грозит рухнуть в ближайшее время, ... цоколи самого собора дали много новых трещин и могут быть разобраны по камню во многих местах»⁵⁰.

1926 г.: «Успенский собор требует большого капитального ремонта, цоколь дал глубокие трещины, облицовка цоколя раскрошилась и отстает. Портик южного крыльца осел и перекосился. Необходима очистка и поправка дренажных колодцев и сточных подземных труб около собора»⁵¹.

1930 г.: «Вследствии неудовлетворительных проветриваний наблюдается сырость. ... [следует] укрепить подвергшиеся осыпанию и вздутию иконы как на иконостасе, так и на стене»⁵².

1935 г.: «В Успенском соборе в южном портале провалился пол»⁵³.

1938 г.: «Наблюдаются деформации в кладке крылец с западной, северной и южной сторон, и, особенно, в белокаменной кладке в правом приделе собора вследствие заболачивания грунта вокруг собора. Разрушается иконостас — слетает позолота»⁵⁴.

Впрочем, нельзя сказать, что не принималось никаких мер по предотвращению разрушения памятника. К примеру, в середине 20-х годов было отремонтировано южное крыльцо собора. Для его реставрации музей и община в июне 1925 г. заключили соглашение, по которому музей руководил ремонтными работами, а община их оплачивала⁵⁵.

Взаимоотношения между музеем, с одной стороны, и соборными общиной и причтом, с другой, не ограничивались совместным участием в ремонте храма. Ростовский музей наблюдал за состоянием памятника и, по мере своих возможностей, заботился о его сохранении. Например, осенью 1921 г. была образована Комиссия по проверке церковного имущества Успенского собора в составе заведующего Ростовским музеем Древностей Д. А. Ушакова и агента уездного Подотдела по охране памятников С. Н. Иванова, в результате деятельности которой в интерьере Успенского собора были выявлены «предметы, представляющие историко-художественный интерес и являющиеся произведениями музеиного значения». Они были занесены в особый реестр, а 27 ноября Комиссия составила акт, заверяющий, что без ведома музея эти предметы не подлежат изъятию из собора. Специально оговаривалась возможность их замены на аналогичные произведения, но либо менее древние, либо менее значимые, при условии, что обмен совершается с музеем, и вещи из собора поступают в музейные фонды. 31 декабря 1921 г. Ростовский Подотдел охраны памятников дополнительно принял на учет церковное имущество собора, имеющее художе-

ственное и историческое значение⁵⁶. Это произошло всего лишь за несколько месяцев до известного изъятия церковных ценностей и, к сожалению, не смогло спасти исторические реликвии и художественные произведения Успенского собора.

В 20-е годы музей, стремясь к сохранению историко-художественных ценностей старейшего храма города, регулярно производил обмен старинных предметов из собора на менее древние из собственных фондов. Обмен осуществлялся по добровольному согласию обеих сторон⁵⁷. Практиковалось временное изъятие художественных произведений из собора, по договоренности с соборным причтом и советом общины. Когда для выставки древнерусского искусства в Ярославле в сентябре 1924 г. потребовалась находящаяся в соборе плащаница XVII в. (вклад Строгановых в собор), она была за требована из храма директором Ростовского музея, при условии ее возвращения на место по окончании выставки⁵⁸. В 20-е годы представители музея неоднократно проверяли состояние Успенского собора, что зафиксировано в сохранившихся актах осмотра памятника⁵⁹. Из музея в собор на протяжении 20-х годов не раз поступали требования освобождения старинного ансамбля храма от «излишне загружающих» его новейших икон или предметов, случайно попавших в собор и не связанных с ним⁶⁰.

В 30-е годы забота музея о древнейшем храме Ростова выразилась в иной форме. Когда в соборе прекратились богослужения, он оказался в полном распоряжении музея. Возможно, благодаря этому, Успенский собор миновала традиционная участь уцелевших от разрушения культовых сооружений города. По крайней мере, в первое время собор не использовался в качестве места расположения склада, мастерской или столовой, клуба или красного уголка; он просто был закрыт.

Как видим, существование Успенского собора в условиях советской власти явилось для него тяжелым испытанием. Пожалуй, нагляднее всего это демонстрируют две акции, произведенные в соборе в начале 20-х годов — вскрытие мощей ростовских святых и изъятие церковных ценностей. Отметим, что первое из указанных мероприятий совершилось по инициативе местных органов власти, второе — по указу сверху, согласно постановлению ВЦИК.

В 1918—1920 гг. в 14 губерниях Советской России были вскрыты 63 раки с мощами русских святых⁶¹. Только в Рос-

тве в 1920 г. вскрытию подверглись 5 рак, в том числе 2 — в Успенском соборе⁶². Вскрытие мощей ростовских святых было преднамеренно приурочено к X уездному съезду Советов, проходившему в Ростове 25—26 апреля 1920 г. и совпавшему с празднованием 50-летия В. И. Ленина⁶³. Таким образом, юбилей вождя пролетарской революции был отмечен в Ростове надругательством над останками местночтимых чудотворцев.

Узнав о готовящемся вскрытии мощей святых, многие церковные общины города и уезда выступили с протестом. В начале апреля в приходских общинах прошли собрания, на которых обсуждалась готовящаяся акция. Выписки из протоколов этих собраний направлялись на имя «Съезда советских властей в Ростове». Формулировки в заявлениях верующих были типичны: «Мы ... единогласно постановили обратиться с энергичным протестом, так как вскрытие св. мощей жестоко оскорбляет наше религиозное чувство и противоречит советской Конституции, свободе совести и невмешательству в церковные дела». На общем фоне выделялось обращение церковной общины деревни Солонино Савинской вол., в котором заявлялось: «Граждане дер. Солонино постановили не прикасаться к мощам»⁶⁴. Священнослужители Успенского собора и Спасо-Яковлевского монастыря, совместно со священниками и верующими приходских и монастырских церквей Ростова организовали крестный ход из собора в Яковлевский монастырь в знак протesta против вскрытия св. мощей⁶⁵.

Несмотря ни на что, вскрытие состоялось. 25 апреля, в первый день работы съезда, отложив вынесенные на повестку дня доклад президиума исполнкома и выборы Уездисполнкома, делегаты занялись обсуждением вопроса о вскрытии мощей. Путем голосования (119 против 71) решено было вскрывать. Последовало избрание специальной Комиссии в составе представителей от каждой крестьянской волости и рабочей организации из числа прибывших на съезд. После этого заседание съезда было объявлено закрытым и делегаты, совместно с Комиссией, направились в Успенский собор.

В храме, в присутствии соборного духовенства, при большом стечении народа, покоящиеся открыто моши св. Игнатья были вынуты из раки, перенесены на специально приготовленный стол, вскрыты и освидетельствованы, после чего та же процедура была повторена с мощами св. Исаии⁶⁶. Акты вскрытия и освидетельствования мощей ростовских святителей сохранились в протоколах X Ростовского съезда Со-

ветов⁶⁷. 26 апреля, в первой половине дня, в Авраамиевском монастыре были вскрыты мощи св. Авраамия Ростовского и св. Евфросинии Полоцкой, в Спасо-Яковлевском монастыре — мощи св. Дмитрия Ростовского. В тот же день Комиссия по вскрытию мощей доложила съезду о проделанной работе⁶⁸.

Местная пресса, назвав эту акцию «ярким лучом света», оценила ее как «крупную победу» и «удар по старой религии»⁷⁰. Ярославский Губисполком отметил «своевременность и целесообразность» мероприятия⁷¹. Однако, как писал в своем дневнике современник этих событий С. А. Соколов: «Вскрытие мощей произвело совершенно обратное впечатление на население, чем предполагалось советской властью. Мощи остались открытыми целую неделю и всю эту неделю публика ходила на их поклонение. По окончании поклонения мощи были уbraneы обратно в их раки и снова закрыты покрывалами. Поговорили было о зарытии их в землю или о передаче в музей церковных Древностей, да так и отстали. Теперь об этом событии стали забывать и по-прежнему прикладываются к мощам, как будто ничего не бывало»⁷¹.

Не прошло и двух лет, как собор постигло новое испытание. В 1922 г. советские власти организовали изъятие церковных ценностей из храмов России. 23 февраля ВЦИК издал декрет, согласно которому местным органам власти предлагалось в месячный срок изъять из храмов, переданных в пользование верующих, предметы из драгоценных металлов или с драгоценными камнями и передать их в органы Народного комиссариата финансов⁷².

31 марта в Ростове была образована Комиссия по изъятию церковных ценностей. В документах ее деятельность именовалась «ликвидацией». В каждый храм города и уезда направлялись «ликвидационные Тройки». В Успенский собор были назначены Москалев, Балмасов и Минин-Дмитриев. Выданное им удостоверение на право изъятия было помечено первым номером. Изъятие церковных ценностей Успенского собора продолжалось три дня (с 3 по 5 апреля), проводилось в присутствии причта, членов общины и представителей общественности⁷³. В качестве эксперта был привлечен директор музея Д. А. Ушаков⁷⁴. К «ликвидации» намечались следующие серебряные произведения: рака св. Леонтия, оклад Владимирской иконы Богоматери, оклад запрестольного креста, более 20 риз, 10 лампад, 4 предмета из числа богослужебной утвари, а кроме того бриллианты и драгоценные

камни с убруса иконы Владимирской Богоматери. Община верующих опротестовала изъятие раки, окладов креста и иконы, трех риз и бриллиантов, но 5 апреля все это, за исключением раки и одной ризы, было изъято. Зато после экспертизы в собор были возвращены три ризы, на поверку оказавшиеся медными⁷⁵. Отметим, что не все серебро при изъятии было отправлено в Гохран. Произведения искусства, имеющие историко-художественную ценность, пополнили фонды Ростовского музея. В общей сложности, в 1922 году из Успенского собора в музей поступило 39 предметов, в том числе произведения лицевого шитья, иконы⁷⁶.

Однократным изъятием не ограничились. Из центра поступали требования дополнительных изъятий. В частности, 8 апреля Ярославский Губком РКП получил из Москвы секретную шифротелеграмму, подписанную председателем ВЦИК Калининым и секретарем ЦК РКП Молотовым, в которой указывалось: «Во многих местах комиссии в целях мирного изъятия церковных ценностей изъемлют ничтожную часть, оставляя главные ценности. Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов»⁷⁷. По Ростовскому уезду прокатилась волна вторичных изъятий. 13—14 мая уполномоченные ликвидационной Комиссией Рыженков, Балмасов и Строев изъяли из Успенского собора серебряные оклады со всех трех рак ростовских святителей, а заодно и оставленный при первом изъятии серебряный оклад иконы Ярославских чудотворцев. Общий вес «ликвидированного» в этот раз серебра составил 10 п. 8,5 ф.⁷⁸. Изъятие рак вызвало массовое негодование. Серебряные гробницы святителей отстаивались и как произведения искусства, и как православные святыни⁷⁹. В результате они были объявлены «спорными», а их отправка в Гохран — отложена до прибытия специальной комиссии. Вскоре, по личному требованию Калинина, раки, изъятые из Успенского собора, были сданы в Гохран⁸⁰.

Закрытие Успенского собора, пожалуй, является одной из самых темных страниц его истории.

Начавшаяся в 1932 г. вторая советская пятилетка была объявлена «антирелигиозной». К ее окончанию — первомайским торжествам 1932 г. предполагалось ликвидировать все культовые сооружения и «изгнать само понятие Бога»⁸¹. На провозглашение «пятилетки безбожия» Ростовская организация Союза Воинствующих Безбожников развернула в Ростове широкую агитацию, направленную на закрытие трех церк-

вей — Спас-Графской, Стефановской и Успенского собора, являвшихся «базами контрреволюционных сил, очагами дурмана и тормозом соцстроительства»⁸². Впервые в Ростове закрытию храмов предшествовала столь шумная кампания с массовыми собраниями и сборами подписей. Решение о закрытии храма должно было пройти по инстанции и быть рассмотрено на всех уровнях власти — районном, областном и центральном. На заседании президиума Ростовского горсовета вопрос о закрытии собора выносился, как минимум, дважды — 27 августа и 21 декабря 1932 г.⁸³. К концу этого года Ростовский исполком вышел с ходатайством в Ярославский областной исполком⁸⁴. В марте 1933 г. было получено решение ВЦИК о расторжении договора с общиной верующих ростовского Успенского собора. Однако в конце мая того же года Ростовский исполком возбудил новое ходатайство о ликвидации собора⁸⁵. На этот раз в верхах обсуждение вопроса затянулось. Во всяком случае, в начале 1935 г. ВЦИК через Ростовский горсовет затребовал от музея фотографии внешнего вида памятника⁸⁶. Между тем, судя по данным Ростовского музея, в мае 1935 г. Успенский собор числился действующим⁸⁷, но к 1 июля 1936 г. в документации горисполкома он уже значился «ликвидированным»⁸⁸. Следовательно, закрытие Успенского собора можно датировать временем между 7 мая 1935 г. и 1 июля 1936 г.

Итак, вышеизложенные факты свидетельствуют, что последствия пролетарской революции коренным образом изменили условия существования ростовского Успенского собора и, в конечном итоге, привели к закрытию храма.

¹ Писарев-Боголюбский Ф. Ростов с точки зрения безбожника. Ростов, 1929; Брудастов М. Из истории Ростова. Ростов, 1932; Собянин В. Д. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов, 1928; Ковалев И. А. Ростов-Ярославский. М., 1971; Тюнина М. Н. Ростов Великий. Ярославль, 1979.

² Глебова Л. Вскрытие мощей. //Газета «Путь к коммунизму», Ростов, 1990, 7 апреля; Мельник А. Г., Мельник Л. Ю. Изъятие церковных ценностей. //Газета «Путь к коммунизму», Ростов, 1990, 16 июня; Мельник Л. Ю. Моши Евфросинии Полоцкой. //Газета «Золотое кольцо», Ярославль, 1991, 30 апреля; Виденеева А. Е. Трудный год. //Газета «Ростовский вестник», Ростов, 1991, 7 июня; устное выступление В. И. Вахриной «Изъятие церковных ценностей Успенского собора» на заседании краеведческой секции Ростовского музея 27 апреля 1990 г.; доклад автора настоящей работы на III Тихомировских чтениях Ярославского музея 26 марта 1991 г.

³ Тюнина М. Н. Ростов Великий. С. 135—136; См.: Виденеева А. Е. Как закрывали собор. //Газета «Ростовский вестник», 1992, 25 января.

⁴ РФ ГАЯО, ф. Р-140; ф. Р-6; ф. Р-1.

⁵ РЯ АХМЗ; РФ ГАЯО, ф. Р-153; дела Комиссии по изъятию церковных ценностей включены в фонд Ростовского уездного исполкома РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 3, ед. хр. 28—32.

⁶ Декреты советской власти. Т. I. М., 1957. С. 373—374.

⁷ РЯ АХМЗ, А-930.

⁸ Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М., 1924. С. 28—29.

⁹ РЯ АХМЗ, А-129, л. 4.

¹⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 69-а, л. 551, 320.

¹¹ РЯ АХМЗ, А-727, л. 68; А-716.

¹² РЯ АХМЗ, А-716.

¹³ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67, 67 об.

¹⁴ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 69-а, л. 457, 384.

¹⁵ РЯ АХМЗ, А-716, РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 3, ед. хр. 2, л. 24.

¹⁶ РФ ГАЯО, ф. Р-153, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1 об. В скобках указаны, зафиксированные в источниках годы управления храмом.

¹⁷ РЯ АХМЗ, А-954, л. 52, 54; А-956, л. 22.

¹⁸ РЯ АХМЗ, Р-956, л. 12; А-716, л. 8; А-1000, л. 15 об.

¹⁹ РЯ АХМЗ, А-720, л. 5. Из настоятелей Богоявленского монастыря. В мае 1927 г. возведен в сан епископа и назначен на Городецкую кафедру.

²⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 69-а, л. 117 об.; РЯ АХМЗ, А-1000, л. 13—13 об.

²¹ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 53, л. 96. Из настоятелей Богоявленского Авраамиева монастыря.

²² РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 3, ед. хр. 2, л. 59.

²³ Там же, л. 338.

²⁴ РЯ АХМЗ, А-716, л. 7, 8; А-1000, л. 7.

²⁵ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67.

²⁶ РЯ АХМЗ, А-720, л. 18.

²⁷ РЯ АХМЗ, А-720, л. 18 об.; А-718, л. 34.

²⁸ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67 об.

²⁹ РЯ АХМЗ, А-1000, л. 3, 5, 13.

³⁰ РЯ АХМЗ, А-720, л. 18 об.

³¹ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 1, ед. хр. 69-а, л. 320.

³² РЯ АХМЗ, А-1000, л. 13.

³³ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67 об.

³⁴ РЯ АХМЗ, А-956, л. 7 об.

³⁵ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 3, ед. хр. 2, л. 284.

³⁶ РЯ АХМЗ, А-720, л. 14 об.

³⁷ РЯ АХМЗ, А-1000, л. 13—13 об.

³⁸ РЯ АХМЗ, Р-956, л. 38 об.

³⁹ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67.

⁴⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-153, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1 об.

⁴¹ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67.

⁴² РФ ГАЯО, ф. Р-153, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1 об.

⁴³ РЯ АХМЗ, А-727, л. 67.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РЯ АХМЗ, А-720, л. 19.

⁴⁶ РЯ АХМЗ, А-110, л. 32.

- ⁴⁷ РЯ АХМЗ, А-714; А-110, л. 36.
- ⁴⁸ РЯ АХМЗ, А-714.
- ⁴⁹ РЯ АХМЗ, А-716; А-105.
- ⁵⁰ РФ ГАЯО, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 5, л. 25.
- ⁵¹ РЯ АХМЗ, А-129, л. 70.
- ⁵² РЯ АХМЗ, А-716.
- ⁵³ РЯ АХМЗ, А-222, л. 55.
- ⁵⁴ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 3, ед. хр. 44, л. 103.
- ⁵⁵ РЯ АХМЗ, А-714.
- ⁵⁶ РЯ АХМЗ, А-954.
- ⁵⁷ РЯ АХМЗ, А-930, л. 43; А-130, л. 43.
- ⁵⁸ РЯ АХМЗ, А-930.
- ⁵⁹ См. напр.: РЯ АХМЗ, А-129, л. 70; А-716; А-954; А-930, л. 44.
- ⁶⁰ РЯ АХМЗ, А-930.
- ⁶¹ Русское православие. М., 1989. С. 627.
- ⁶² Газета «Известия Советов Рабочих и Крестьянских депутатов». Ростов, 1920, 27 апреля, № 46.
- ⁶³ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50, л. 6 об.
- ⁶⁴ Там же, л. 2, 30—33, 107—116.
- ⁶⁵ Писарев-Боголюбский Ф. Указ. соч. С. 27.
- ⁶⁶ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50, л. 67.
- ⁶⁷ Там же, л. 17—18.
- ⁶⁸ Там же, л. 7—7 об.
- ⁶⁹ Газета «Трудовые дни», Ростов, 1922, 3 июля.
- ⁷⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 50, л. 1.
- ⁷¹ Мельник Л. Ю. Мощи Евфросинии Полоцкой //Газета «Золотое кольцо», Ярославль, 1991, 30 апреля.
- ⁷² Об обстоятельствах проведения изъятия церковных ценностей в Ростове см.: Мельник А. Г., Мельник Л. Ю. Изъятие церковных ценностей. //Газета «Путь к коммунизму», Ростов, 1990, 16 июня.
- ⁷³ РЯ АХМЗ, А-956, л. 22.
- ⁷⁴ РЯ АХМЗ, А-77, л. 39.
- ⁷⁵ РЯ АХМЗ, А-956, л. 21—23.
- ⁷⁶ РЯ АХМЗ, Р-956, л. 11, 19.
- ⁷⁷ РФ ГАЯО, Р-140, оп. 1, ед. хр. 31, л. 7.
- ⁷⁸ РЯ АХМЗ, Р-956, л. 11, 19.
- ⁷⁹ РЯ АХМЗ, А-77, л. 26—27; А-954, л. 58.
- ⁸⁰ РФ ГАЯО, ф. Р-140, оп. 3, ед. хр. 31, л. 30. Четыре чеканных серебряных клейма рак св. Исаия и св. Игнатия сохранились в Ростовском музее. (Б-400; Б-399).
- ⁸¹ Безыменский Ю. 1932 в стиле ретро. //«Огонек», 1991, М., № 52. С. 24.
- ⁸² РФ ГАЯО, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 139, л. 37—76.
- ⁸³ Там же, л. 42, 76.
- ⁸⁴ Там же, л. 42, 279.
- ⁸⁵ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 3, ед. хр. 2, л. 279.
- ⁸⁶ РЯ АХМЗ, А-222, л. 11.
- ⁸⁷ Там же, л. 87.
- ⁸⁸ РФ ГАЯО, ф. Р-6, оп. 3, ед. хр. 2, л. 367.